

Садовой А. Н. Адаптационные модели этнического предпринимательства: к этнической истории амшенских армян агломерации Большого Сочи / А. Н. Садовой // Научный диалог. — 2018. — № 11. — С. 257—274. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-257-274.

Sadovoy, A. N. (2018). Ethnic Entrepreneurship Adaptation Models: to the Amshen Armenians of the Great Sochi Agglomeration Ethnic History. *Nauchnyy dialog*, 11: 257-274. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-257-274. (In Russ.).

УДК 323.326(39):711.455(470.620)“2001/2018”

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-257-274

Адаптационные модели этнического предпринимательства: к этнической истории амшенских армян агломерации Большого Сочи¹

© Садовой Александр Николаевич (2018), orcid.org/0000-0002-2153-6459, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (Сочи, Россия), sadovoy@gmail.com.

Объектом исследования являются модели этнического предпринимательства амшенских армян Черноморского побережья Кавказа. Актуальность проблематики определяется необходимостью изучения истории формирования этнической структуры населения юга России на отдельных этапах исторического развития, механизма (комплекса причинно-следственных связей) адаптационных процессов, генезиса системы межэтнических коммуникаций. На основе историографических источников и материалов полевых исследований проводится анализ феномена «этническое предпринимательство». Автор акцентирует внимание на проблемах выделения адаптационных моделей предпринимательства, их генезисе и характере его воздействия на систему внутри- и межэтнических коммуникаций. Затрагивается проблема взаимосвязи между предпринимательской активностью, сохранением традиционной хозяйственной специализации и этнической самоидентификации. Промежуточные результаты исследований отражают как универсальные, так и уникальные (этнические, групповые) проявления адаптационных форм этнического предпринимательства и его значения для сохранения историко-культурного наследия.

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. 17-01-00407-ОГН. Проект «Юг России: этнические предприниматели «дома» и за его пределами (опыт социально-экономической адаптации)».

Ключевые слова: этническое предпринимательство; амшенские армяне; адаптация; интеграция; региональный рынок.

1. Введение

Отгалкиваясь от определения *этнической экономики* (далее ЭЭ) Айвена Лайта и С. Карагертиса как экономики, в которой участвуют представители одной этнической группы (co-ethnics) [Light et al., 1994, p. 646—671], представители отечественной историографии включили данный феномен в предметную область общественных наук (экономика, социология) [Радаев, 1993, с. 79—87]. Он раскрывается через анализ составляющих: различных форм *этнического предпринимательства* (далее ЭП) и моделей их интеграции в систему региональных рыночных связей.

Как правило, в отечественной и зарубежной историографии предметная область ЭЭ ограничивается границами мегаполисов. Объектом исследования являются диаспоры, сформированные мигрантами [Рыжова, 2008]. При проведении в сельских анклавах этнологических экспертиз формы проявления ЭП подвергаются анализу в качестве составляющих *систем жизнеобеспечения* (systems of subsistence, далее — ТСЖ) и традиционной культуры исследуемых субэтносов и этнических групп [Поддубиков и др., 2014; Sadovoy, 2015; Садовой и др., 2017, с. 743—752]. Этносоциальный аспект анализа ЭЭ (с позиции выявленных этнических интересов) и форм его проявления (ЭП, ТСЖ) определяет исследование этих феноменов уже в качестве системы коммуникационных связей, обеспечивающих сохранение самоидентификации (родовой, этнической), этнической территории, традиционной хозяйственной специализации. В тех случаях, когда объектом исследования выступают традиционные формы регуляции производственного цикла, внимание исследователей акцентируется на формах и характере взаимосвязи между моделями организации ЭП, которые проявляются в регуляции на основе норм обычного права [Садовой, 2012, 2017; Sadovoy, 2015].

В историографии при исследовании социальных феноменов, связанных с ЭЭ, стал традиционным избирательный подход. Он проявляется во введении в предметную область наиболее устойчивых и ярко выраженных форм ЭП. Устойчивость определяется их традиционностью, проявлением в исследуемых социумах на протяжении не менее двух-трех поколений, в отдельных случаях — на протяжении одного или нескольких столетий. Выраженный характер заключается в том, что исследуемые социальные явления и процессы выводятся за рамки собственно внутривнутриэтнических процессов: традиционная хозяйственная специализация призна-

ется представителями иных этнических групп и выступает в форме устойчивой межэтнической коммуникации. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в трансграничных регионах, к которым относятся российская часть Черноморского побережья Кавказа и Абхазия, включенные в состав российского государства во второй половине XIX века [Садовой, 2012].

Выбор амшенской группы армян в качестве объекта исследования неслучаен. Вклад этого субэтноса как составляющей армянской диаспоры в экономическое и культурное развитие населения трансграничных районов Причерноморья отмечен в широком спектре источников. Необходимо отметить, что состав армянской диаспоры юга России динамично менялся в зависимости от направленности и содержания не только геополитических, но и региональных процессов. В течение последних двух столетий диаспора приняла несколько волн мигрантов, представляющих несколько субэтносов (этнических групп) армян. Каждая из групп имела существенные этнокультурные и этногенетические отличия, что определяло проблемы их этнокультурной адаптации и специфику региональных этносоциальных процессов. К сожалению, в отечественной историографии по этнической истории автохтонных и пришлых этносов трансграничных районов эта специфика изучена неравномерно.

Актуальность исследования определяется миграционными процессами, охватившими бывшие республики Закавказья, этнической консолидацией, возрастанием роли диаспор в современных социальных процессах на территории России. Процессы социальной модернизации начала 2000-х годов привели к качественным изменениям этнодемографической структуры населения юга России, что оказывает прямое воздействие на развитие его экономического потенциала. Рекреационные районы Причерноморья, где этническая структура населения крайне динамична, не являются исключением. Интерес представляет исторический контекст социальных процессов, преемственности форм ЭЭ. В недалеком прошлом реализация федеральных программ развертывания социалистического сектора экономики в этой трансграничной зоне объективно сочеталась с широким спектром проявлений частного предпринимательства, находящегося в «теневом» секторе. В апробированных моделях организации сельскохозяйственного производства устойчиво сохранялись элементы традиционного природопользования, характерные для национальных сельских анклавов в конце XIX — XX веках. Ликвидация социалистических секторов экономики в конце XX столетия, политический курс на восстановление института частной собственности объективно синхронизировались с реформированием органов государственной власти и изменением этнической

структуры населения. Обусловленные эти процессами изменения социальных институтов оказывало воздействие на механизм (комплекс причинно-следственных связей) адаптационных процессов, генезис системы межэтнических коммуникаций в этнических секторах экономики. В связи с этим при исследовании адаптационной природы ЭЭ особый интерес представляют латентные проявления взаимосвязи политических, экономических и этнических процессов, рассматриваемых нами в качестве составляющей этнической истории народов России.

2. Методологические подходы и методы исследования

Междисциплинарный характер предметной области исследования определяет использование принципов системного подхода, согласно которым формы ЭП субэтнуса рассматриваются в качестве иерархически соподчиненной системы социальных связей, определяемых проблемами его адаптации к динамично меняющейся социальной и природной среде. Алгоритм исследования включает выявление трендов формирования диаспоры (динамику, локализацию), определение моделей (вариантов) адаптации, вычленение узловых точек потенциальных социальных конфликтов.

Общие принципы исследования (историзм, объективность) базируются на положениях исследований отечественных и зарубежных этнографов и антропологов, экономистов, философов и социологов, изучавших феномен этнического предпринимательства. Презентация выявленных форм ЭП осуществляется по выборочным сельским анклавам и проявлениям предпринимательства в городской среде. При анализе современной этносоциальной обстановки в бассейне р. Сочи (Барановка, Пластунка и р. Мзымта — балаганы Ахштырь 1, 2) использовались методы полевых исследований: наблюдение (включенное и стороннее), опрос (письменный и устный). Промежуточные результаты исследований представлены в отчетах лаборатории этносоциальных исследований СНИЦ РАН за 2013—2018 годы [Разработка ..., 2016].

3. Тенденции формирования диаспоры армян в причерноморской трансграничной зоне

Формирование армянской диаспоры в причерноморской трансграничной зоне во многом определялось изменением внешнеполитической обстановки в конце XIX века. Исход значительной части субэтносов адыгов в Турцию (движение мухаджирства) определил формирование этнической структуры Причерноморья исключительно за счет мигрантов. Как следствие, формирование национальных сельских анклавов и локальных сек-

торов этнической экономики было детерминировано возникающими перед мигрантами проблемами интеграции в социальную инфраструктуру империи. Выживание мигрантов (армян, греков), фактически лишенных в Турции всех форм собственности, в местности со слабо развитой структурой социальных коммуникаций могло осуществиться только путем адаптации к ландшафтной среде неоднократно апробированных форм этнического предпринимательства. Опыт формирования армянской диаспоры в этом отношении достаточно ярок и показателен: в течение XX — начале XXI вв. уровень благосостояния ее представителей претерпел качественные изменения, а ее вклад в социально-экономическое и культурное развитие региона неоспорим.

В дореволюционный период российская часть побережья Черного моря активно осваивалось потомками неислаимизированной части «амшенцев», которые покинули район Хамшен (Турция) в период обращения в ислам остального населения и обосновались поначалу в районах Самсуна (Джаник, Куршунлу, Чаршамба), Орду, Гиресуна и Трабзона (в долине Кара-дере, «Чёрной речки» к востоку от Трабзона). В течение столетий субэтнотом на основе христианства сохранялись этническая самоидентификация, язык (амшенский диалект *һяйрен*) и самобытная культура.

С 1880-х годов причерноморская трансграничная зона приняла несколько волн беженцев с территории Османской империи, особенно много — в 1915 году, когда под угрозой физического истребления армяне и греки эмигрировали уже не отдельными семьями, а родовыми и сельскими сообществами. Это определило формирование поселений с моноэтническим составом населения на предоставляемых Россией переселенцам сельскохозяйственных угодьях. Временные поселения формировались и в границах имений, предоставленных правительством для аристократии, на условиях среднесрочной аренды сельскохозяйственных участков (таблица 1).

Компактный характер расселения объективно инициировал процессы этнической консолидации субэтнота амшенцев и консервации их традиционной культуры. Внешнеполитическим фактором этнического процесса были курсы Российской и Османской империй, направленные на формирование в трансграничных зонах однородной конфессиональной структуры населения. Отличались стратегии. В Османской империи эта задача решалась путем политики геноцида — физического уничтожения христиан (армян и греков), в Российской империи — за счет выселения автохтонного населения с побережья (мусульман) из трансграничной (пограничной полосы), предоставление им возможности эмиграции в «единоверную»

Таблица 1

Сочинский округ. Места компактного расселения амшенских армян

Населенный пункт	Этническая структура (М — моноэтническая, СМ — смешанная)	
Поселение Сочи		
1870—1880-е гг.		
Краевско-Армянское	МЭ — арендаторами в имении Краевского	
Верх. Армянское Лоо	1883	МЭ — эмигранты из Турции
Уч-Дере	1884	МЭ — арендаторы в имении «Уч-Дере
Горное Лоо	1920	МЭ — эмигранты из Турции 35 семей / 190 чел.
Верхнее Лоо	1920	МЭ — эмигрантами из Турции 47 семей / 341 чел.
Сел. Церковное	1920	МЭ — эмигранты из Турции 18 / 109 чел.
Нижнее Лоо		СМ 42 семьи / 261 чел; (+ русские 4 семьи, грузины — 1)
Верх. Армянская Хобза	МЭ — эмигранты из Турции	
Нижн. Армянская Хобза	МЭ — эмигранты из Турции	
Якорная Щель/Ходжиевск	1891	МЭ — арендаторы в имении Вардане
Ордынка	1885	МЭ — арендаторы в имении Р. Ордынской. (43 чел.)
1890—1900-е гг.		
Богушевка	1896	МЭ — эмигранты из Турции
Верхняя Шиловка	1900	СМ — арендаторы в имении Шиловского: 529 армян. 34 грека.

Составлено по: Половинкина, 2006, с. 66—139; Ворошилов, 2007.

Турцию, формирования полиэтнической структуры населения, представляющего разные ветви христианства. Предоставление амшенским армянам возможности переселения на территорию Российской империи, таким образом, являлось проявлением не только национальной, но и конфессиональной политики [Белозерова, 2015, с. 26—33]. В то же время слабо развитая система внутрирайонных коммуникаций существенно ограничивала возможности формирования устойчивой системы внутриэтнических коммуникаций амшенской группы с районами Закавказья.

В послереволюционный и советский периоды социально-экономическое развитие трансграничной зоны осуществлялось на основе федеральных программ развития рекреационного потенциала территории, что придало этническим процессам в среде армянской диаспоры многоаспектный

характер. Прослеживается ряд взаимосвязанных тенденций. Первая из них связана с тем, что вследствие формирования особого рекреационного района, охватившего все черноморское побережья Краснодарского края, его этническая структура формировалась в основном за счет трудовых мигрантов не только из внутренних районов РФ, но и из республик Закавказья. Эти процессы были динамичны (табл. 2). На территорию побережья мигрировали представители ряда субэтнотосов армян, включая представителей диаспор городов юга России (Ростов-на-Дону, Краснодар, и др.). Наиболее интенсивный процесс миграции с территории Закавказья был обусловлен Спитакским землетрясением (1988 г.), уничтожившим около 40 % промышленного потенциала республики и оставившим без крова более 500,0 тыс. человек. Следует отметить, что только часть мигрантов из Армении прикрепилась к сельским национальным анклавам российского Причерноморья. Большая часть приняла участие в формировании городских диаспор. Изменение их структуры объективно способствовало нивелированию культурных отличий субэтнотоса амшенцев. Однако, насколько этот процесс был выражен, остается открытым вопросом. Определялось это общими тенденциями городского строительства.

Таблица 2.

Этнический состав населения агломерации Большой Сочи

	1900		1926	1939	1959	1979	1989		2010		2018	
	n	%					n	%	Сочи	%		
армяне	1, 3	3,9					52,6	14,6	46,8	13	150,0?	25% (?)
Общий состав	33,0	100	44,0	71,0	127,0	292,3	361,2	100	343,3	100	600,0?	100

Составлена по: Сочи. Развитие города в цифрах. 1991; Перепись. Информационно-поисковый портал по Армавиру и Краснодарскому краю, 2013; Половинкина, 2006.

Национальная политика советского периода, в отличие от дореволюционного, не была ориентирована на формирование населенных пунктов или городских кварталов с моноэтническим составом населения, как и на формирование социумов и социальных институтов с выраженной этнической самоидентификацией. Если в 1920-е годы колхозы формировались на основе территориальных (включая моноэтнических) общин, то с их последующим «укрупнением» и изменением форм собственности (перевод в «совхозы») этнический состав этих институтов кардинально менялся. В качестве примера можно привести историю формирования совхоза «Ок-

тябрьский», предприятия, последовательно объединявшего территории компактного проживания амшенских армян и грузин (верховья р. Сочи — н. п. Барановка, Пластунка) с традиционными летними пастбищами населения (греки, эстонцы) верховьев р. Мзымта [ЭМА, 2018].

Миграционные процессы конца XX — начала XXI столетий сформировали ситуацию, при которой диаспора армян побережья по своей численности достигла порогового значения (13—14 %), требующего проведения политики, направленной на сохранение историко-культурного наследия этноса. Динамика социальных преобразований на постсоветском пространстве этому не способствовала. Распад промышленного потенциала бывших республик СССР обусловил углубление социальной стратификации населения Закавказья. Этнополитическая консолидация в среде «титულных» этносов проявилась в формировании моноэтнических по составу государств и выдавливании «русскоязычного» населения. Эти процессы сопровождались трудовой миграцией активных представителей «титулных» (для республик) этносов в экономически привлекательные субъекты РФ. Из-за ликвидации социалистического сектора сельской экономики на российской части побережья сформировался земельный рынок. На приватизированных земельных участках открылись возможности интенсивного строительства как частных домов, так и рекреационных объектов: гостиниц, гостевых домов, ресторанов и кафе, рекреационных площадок, конюшен и т. д. Это создало условия для изменения системы расселения: придало динамику формированию мест компактного проживания «этнических меньшинств», тенденции, не характерной для советского периода.

В 1990—2000-ые годы Черноморское побережье приняло еще несколько миграционных волн, включавших амшенцев Абхазии, беженцев с территории Азербайджана, трудовых мигрантов с территории Армении. Как следствие, состав армянской диаспоры агломерации Большого Сочи продолжал меняться не только количественно, но и качественно. Эти тенденции уже визуально прослеживаются по изменению облика и этнического состава населения Адлера, формированию компактных мест расселения на приватизированных садоводческих участках, составу сезонных селений в горной зоне (Ахштырь 1, 2) на месте бывших летних пастушьих балаганов и т. д. Изменение этносоциальной обстановки объективно приводит к изменению механизма адаптации мигрантов и росту их влияния на политические процессы. Формирование приходов Григорианской Апостольской церкви (строительство храмов) и установление авиационных маршрутов, соединивших Причерноморскую зону с Республикой Армения, свидетельствует об углублении процессов консолидации и придании

им этнополитического характера. По ряду «экспертных оценок», население агломерации г. Сочи в послеолимпийский период (2014—2018 гг.) увеличилось более чем на 30 % (с 400,0 до 600—700,0 тыс. человек), армянской диаспоры — до 150,0 тыс. Насколько эти данные объективны, покажет перепись 2020 года.

4. Механизмы адаптации в среде амшенских армян

4.1 Дореволюционный период

Специфика адаптационных моделей, характерных для амшенской группы армян, определялась тем, что они были успешно реализованы в структуре сельских (территориальных) общин. Эмигрантам (переселенцам из внутренних районов империи) не выделялось крупных земельных наделов. В этой связи перспектив экстенсивного развития сельскохозяйственного производства не было. Возможности развития частного (семейного) сельскохозяйственного производства существенно ограничивались неблагоприятной экологической обстановкой; к моменту переселения подавляющая часть сельскохозяйственных угодий эмигрировавшего в Турцию населения покрывалась лесом и требовала раскорчевки. С одной стороны, решение этой проблемы определяло кооперацию в среде кровнородственных и территориальных общин и консервацию норм обычного права, выступающих в качестве регулятора внутриселских отношений [Садовой, 2017, с. 410—424]. С другой — решение прослеживалось в ориентации на сельскохозяйственные культуры, продукция которых могла быть быстро реализована как на внутреннем (слабо развитом), так и на внешнем рынке. Следствием выбора адаптационной стратегии амшенцев являлось привнесение из Турции на Черноморское побережье табаководства, отрасли, нетрадиционной не только для автохтонного населения, но и для других групп переселенцев [Белозерова, 2016, с. 189—192]. Эта стратегия не входила в противоречие с мнением экспертного сообщества о перспективах сельскохозяйственного освоения побережья. Так, на «Втором съезде сельских хозяев» сотрудниками Императорского Санкт-Петербургского университета была предложена стратегия колонизации района крестьянскими собственниками на условиях продажи казенных земель «компаниям» или «товариществам» [Верещагин, 1874, с. 168—170]. Это предложение было основано на результатах обследования Черноморского округа комиссией 1866 года и экспертной оценки Гейдука, согласно которым население «в приморской полосе должно быть знакомо с садоводством, виноделием, табаководством, шелководством и пчеловодством», при этом «хлебопашество <...> не может составлять главной отрасли хозяйства»,

а должно «ограничиваться размером домашней потребности» [Верещагин, 1874, с. 177]. Интерес представляет, что экспертами признавались преимущества переселения не отдельных хозяйств, а более крупных социальных групп (родовых и территориальных общин, этнических групп). Подразумевалось, что перенос традиционных для переселенцев хозяйственных занятий и сельскохозяйственных культур будет способствовать их оптимальной хозяйственной адаптации к своеобразным условиям природной среды в Сочинском Причерноморье. В целом эта стратегия получила правовое оформление в «Положении о заселении и управлении Черноморским округом» (от 10.03.1866 г.), в котором предусматривалось формирование сельских гражданских селений из эмигрантов — христиан (по особому разрешению Кавказского наместника — §10 Положения). Положение стало правовым основанием последовательного формирования амшенскими армянами моноэтнических по составу населенных пунктов: к 1905 году из 43 развернутых населенных пунктов 14 было с доминирующим составом армян.

Системообразующей связью территориальных общин армян выступала предоставляемая государством возможность сохранения традиционной системы самоорганизации (самоуправления, судопроизводства, основанного на нормах обычного права) в границах выделенной территории. Компактный характер расселения, сохранение традиционной хозяйственной специализации (включая торговлю) придал фактически всем проявлениям экономической активности представителей этого субэтноса четко выраженные формы этнического предпринимательства.

4.2 Постреволюционный и советский период

Хозяйственная специализация амшенцев в десятилетия, предшествовавшие формированию колхозов, сохранилась без существенных изменений. Ликвидация института частной земельной собственности и крупных имений не оказали принципиального воздействия на практикуемые формы землепользования сельских сообществ: до 75 % полиэтнического по составу сельского населения было ориентировано на развитие табаководства и приусадебное хозяйство.

В то же время проблемы продовольственного обеспечения городов в 1930-е годы актуализировали задачу стимулировании производств зерновых культур. В природно-климатических условиях Причерноморья этот курс входил в явное противоречие с накопленным опытом интродукции новых сортов (включая субтропические культуры) и традиционной хозяйственной специализацией переселенцев. Как следствие, предпринятые в 1920-е годы попытки увеличения посевных площадей зерновых на осно-

ве централизованного кооперирования ресурсов индивидуальных хозяйств оказались безуспешными [Разработка ..., 2016, с. 61—67].

Кризисная ситуация была преодолена в последовательном комбинировании традиционных моделей природопользования населения и социалистических форм организации сельского хозяйства, проводимом на основе природно-ландшафтного зонирования территории, укрупнения колхозов и развертывания совхозов. Проводимый курс объективно способствовал формированию полиэтничных по составу социумов, объединенных в первую очередь производственным циклом формируемых государством сельскохозяйственных предприятий.

Несмотря на то, что местными органами власти вводились существенные ограничения частного домостроения, в среде амшенских армян сохранялась традиция строительства домов, предназначенных для проживания сложных (многопоколенных) семей и развития мелкотоварного производства в границах приусадебных участков (садов) и теплиц. Традиция формировала хозяйственную специализацию и предпочтительные формы занятости. По побережью, начиная с 1960—1970-х годов, прослеживалась практика формирования по семейному этническому принципу сезонных строительных бригад, осуществления торгово-посреднических торговых операций, реализации продукции садоводства и цветоводства с приусадебных участков. Предпринимаемые попытки строительства теплиц для выращивания цветов и ранних овощей, как форма частного предпринимательства, активно пресекались органами государственной власти вплоть до начала 1980-х годов. Частная практика сбора продукции леса сельским населением с последующей его обработкой и реализацией на местном рынке находилась под контролем лесхозов.

В то же время по всему побережью был представлен достаточно широкий спектр форм этнического предпринимательства, ориентированного на обслуживание динамично прирастающих туристических потоков. Помимо амшенских армян, он охватывал представителей и других этнических групп (греков, грузин, эстонцев и др.).

В среднегорной зоне, охватывающей покрытые лиственным лесом склоны по среднему течению рек, начиная с конца 1930-х годов в качестве основной отрасли рассматривалось садоводство. В силу высокой трудозатратности табаководства, определяющей привлечение женского и детского труда, позиции этой традиционной для амшенских армян отрасли стали последовательно сокращаться. Ряд совхозов в послевоенное время был переориентирован на развертывание тепличного хозяйства, производство семян и на животноводство. Происходила активная ин-

продукция субтропических культур, расширение плантаций чая [ЭМА, 2018].

В высокогорной зоне моделью хозяйственного освоения традиционно выступала комбинация полеводства и отгонного скотоводства. Для выпаса скота на субальпийских пастбищах (летних) и производства молочной продукция проводилось объединение поголовья нескольких сельскохозяйственных предприятий. Бригады пастухов и доярок, проживавшие на пастбищах в течение нескольких месяцев, традиционно формировались в совхозах по принципу этнической и кровнородственной самоидентификации. Интерес представляет и то, что развернутая сеть балаганов имела тенденцию преобразования в сезонные населенные пункты (например, Ахштырь 1, 2), ориентированные на обслуживание туристических маршрутов (предоставление мест стоянок, продажа сельскохозяйственной продукции и т. д.) на основе частного (семейного) предпринимательства.

В целом можно отметить, что проводимый государством курс региональной политики существенно не затрагивал «этнических интересов» жителей сельских анклавов, заинтересованных в интеграции в формируемую государством рекреационную модель. Возможности внутри- и регионального товарообмена были расширены сформированной системой коммуникаций (железнодорожных, автомобильных), охватывающих сельские населенные пункты прибрежной зоны. Благосостояние семей росло за счет гарантированной государством занятости, частного и необлагаемого налогами предпринимательства, направленного на обслуживание туристических потоков. Устойчивая динамика роста населения объективно способствовала урбанизации, формированию поселений городского типа (Лазаревка, Сочи, Хоста, Адлер, Красная Поляна). В то же время общая направленность развития сельской экономики не способствовала формированию устойчивых этнотерриториальных связей и углублению на этой основе этнической консолидации представителей третьего-четвертого поколений мигрантов. Развитие этнического предпринимательства не было ориентировано на формирование устойчивых связей с Арменией и армянскими диаспорами стран бассейна Черного и Средиземного морей.

4.3. Постсоветский период

Ликвидация социалистического сектора экономики в начале 1990-х годов привела к кардинальной реорганизации системообразующих связей в жизнеобеспечении этнических анклавов. Распределение земельных паев при ликвидации совхозов привело к резкой деградации сельскохозяйственного производства. Размеры выделенных наделов варьировали в зависимости от экономической мощности распадающихся хозяйств и позиции их ру-

ководства. Однако во всех случаях эти паи не способствовали формированию фермерских хозяйств. Снятие запретов на развертывание теплиц придало динамику роста их численности на относительно короткий период. Мелко-товарная продукция обеспечивалась, как правило, продукцией садоводства на приусадебных участках и сохранением элементов животноводства (выпас частного скота на арендованных пастбищах). В то же время формирование устойчивого товарооборота со странами бассейна Черного и Средиземного морей начиная с 1990-х годов сделало садоводство нерентабельной сферой этнической экономики. Спрос туристов на фрукты и овощи осуществлялся за счет их завоза из сопредельных районов. В этих условиях в среде амшен-ских армян было успешно реализовано несколько моделей адаптации к меняющейся политической и социалистической обстановке.

На выделенных сельскохозяйственных наделах и придомных участках (в частных владениях) с 1990-х годов осуществлялось активное строительство гостиниц, ресторанов и кафе национальной кухни, магазинов. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в н.п. Адлер, где сформировалось наиболее компактное место расселения армянской диаспоры. Ликвидация городских строительных организаций (трестов) в преолимпийский период объективно придала дополнительную динамику развитию этнического предпринимательства в сфере домостроительства, осуществления ремонтных работ, обслуживания пунктов питания. На этой основе стали формироваться многофункциональные центры, ориентированные на использование «этнического бренда». В качестве примера можно привести комплекс «Амшенский двор», включающий в свою структуру кафе с национальной кухней, этнографический музей, часовню, памятную скульптуру, посвященную павшим воинам во всех военных конфликтах [Куринских, 2015, с. 273—280].

Другая модель — восстановление ремесленных центров — наиболее отчетливо, как тенденция, проявляется на территории Армении, где восстановлены традиционные промыслы [ЭМА, 2018], а их продукция отчасти реализуется в торговых центрах Причерноморья. В настоящее время наиболее ярким примером восстановления традиционных занятий собственно амшенской этнической группы на побережье выступает художественнаяковка, обработка камня, производство строительных материалов, мебели, керамики, сувениров.

Роль армянской диаспоры в торгово-посреднических операциях межрегионального и межгосударственного уровней и обеспечении рынков Причерноморья значительна. Тенденция прослеживается по формированию сети магазинов «Товары из Армении», частных магазинов и времен-

ных торговых точек, для которых характерен достаточно широкий спектр товаров. В то же время система торговых коммуникаций в настоящее время существенно ограничена отсутствием у Армении выхода к черноморским портам и позицией правительства Грузии, направленной на пресечение железнодорожных коммуникаций с Россией.

Перманентная реорганизация производственных и посреднических социальных связей, охватывающая городское и сельское население, не может не оказывать воздействия на спектр этнических интересов, переосмысление роли диаспор «своего» в политических и этнических процессах. В связи с этим можно прогнозировать качественное изменение этносоциальной обстановки и повышение роли диаспор в системе местного самоуправления и развитии как внутрирегиональных, так и межгосударственных связей.

5. Выводы

На основе результатов пилотажных исследований в трансграничных зонах Причерноморья, анализа историографических источников и полевых исследований прослеживается ряд информационных лакун, определяющих актуальность изучения феномена этнического предпринимательства и его локальных проявлений. Особое внимание привлекают адаптационные механизмы этого феномена, их генезис (под воздействием внутренних и внешнеполитических факторов), характер воздействия на систему внутри- и межэтнических коммуникаций в среде мигрантов и их потомков. Прослеживается устойчивая взаимосвязь между предпринимательской активностью и сохранением традиционной хозяйственной специализации и этнической самоидентификации.

Промежуточные результаты исследований отражают как универсальные, так и уникальные (этнические, групповые) проявления адаптационных форм этнического предпринимательства и его значения для сохранения историко-культурного наследия этносов юга России.

Практическая значимость включения в предметную область этносоциальных исследований, связанных с общими трендами развития этнической экономики, проявляется в запросах органов исполнительной власти РФ на информационное обеспечение государственных программ адаптации мигрантов, самозанятости населения, формирование системы межгосударственных связей на постсоветском пространстве.

Источники и принятые сокращения

1. АОАГС — Архивный отдел администрации города Сочи. Ф. Р-158. Земельный отдел Исполнительного комитета Сочинского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1917—1935 гг. Оп. 1.

2. *Разработка* методов экспертной оценки и прогноза качества жизни населения : отчет от научно-исследовательской работе / Лаборатория Этносоциальных проблем ФБГУН СНИЦ ; рук. А. Н. Садовой, исполн. М. В. Белозерова. — Сочи : СНИЦ, 2016.

3. *ЭМА* — Экспедиционные материалы автора (бассейн рр. Сочи, Мзымта; Армения).

Литература

1. *Белозёрова М. В.* К проблеме российско-черкесского взаимодействия и формирования этнической идентичности: XIX — начало XXI века / М. В. Белозерова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2015. — № 32. — С. 26—33.

2. *Белозёрова М. В.* Некоторые аспекты хозяйственной адаптации переселенцев в Черноморском округе (XIX — первая треть XX столетия) / М. В. Белозерова // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Международной научной конференции (Тюмень, 7—11 ноября 2016 г.). — Тюмень : Издательство ТюмГУ, 2016. — С. 189—192.

3. *Верещагин В. И.* Путевые заметки по Черноморскому округу. (С приложением 2 фасадов, плана и разреза Сочинской церкви и карты Черноморского округа) / В. И. Верещагин. — Москва : Издание Н. Н. Мамонтова, 1874. — 203 с.

4. *Ворошилов В. И.* Топонимы Российского Черноморья (история и этнография в географических названиях) / В. И. Ворошилов. — Майкоп : Полиграфиздат Адыгея, 2007. — 264 с.

5. *Всероссийская* перепись населения 2010 г. Т. 1. Табл. 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

6. *Куринских П. А.* К вопросу о фольклоризме в презентациях историко-культурного наследия на XXII Зимних Олимпийских и Паралимпийских Играх 2014 г. в Сочи / П. А. Куринских // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 году. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2015. — С. 273—280.

7. *Перепись.* Информационно-поисковый портал по Армавиру и Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://krai-ru.ru/city/sochi-informatsiya-o-gorode-i-istoriya>.

8. *Поддубиков В. В.* Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов : методы прикладной этнологии / В. В. Поддубиков, А. Н. Садовой, М. В. Белозерова. — Кемерово : Практика, 2014. — 358 с.

9. *Половинкина Т. В.* Сочинское Причерноморье / Т. В. Половинкина. — Нальчик : Изд. центр Эльфа, 2006. — 206 с.

10. *Радаев В.* Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия / В. Радаев // Полис. — 1993. — № 5. — С. 79—87.

11. *Рыжова Н. П.* Феномен этнического предпринимательства: западная традиция и российское прочтение [Электронный ресурс] / Н. П. Рыжова // Новые

российские гуманитарные исследования. — 5.08.2008. — Режим доступа : <http://nrnumis.ru/articles/123/>.

12. *Садовой А. Н.* Нормы обычного права в предметном поле этнологических экспертиз / А. Н. Садовой // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 410—424.

13. *Садовой А. Н.* Традиционная хозяйственная специализация и этническое предпринимательство как объект полевых исследований / А. Н. Садовой // Теория и практика исследования этнокультурных комплексов : тезисы докладов научной конференции, посвященной 65-летию со дня рождения В. А. Козьмина (Санкт-Петербург, 24—26 декабря 2015 г.). — Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2015. 136 с.

14. *Садовой А. Н.* Черноморское побережье Кавказа. Этническое предпринимательство в системе межкультурных коммуникаций / А. Н. Садовой // Homo communicationes II : человек в пространстве межкультурной коммуникации — Щецин (Польша), 2012. — С. 239—244.

15. *Садовой А. Н.* Этническое предпринимательство в предметной области этнологических экспертиз / А. Н. Садовой, М. В. Белозерова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2017. — № 134. — С. 743—752.

16. *Садовой А. Н.* Этническое предпринимательство как объект исследования : механизм адаптации и демографические аспекты / А. Н. Садовой // Историческая этнография : сборник научных статей. — Санкт Петербург : СПбГУ, 2014. — Вып. 5. — С. 29—34.

17. *Light I.* The Ethnic Economy / I. light., S. Karageorgis // The Handbook of Economic Sociology. — Princeton : Princeton University Press, 1994. — P. 646—671.

18. *Sadovoy A.* Ethnic Entrepreneurship in the interaction of environmental organizations, national associations and regional authorities. Russian experience in the Caucasus and Altai-Sayan ecoregions / A. Sadovoy // Proceeding International Seminar “Development, Resources and Livelihood”. — Hyderabad (India) : University of Hyderabad (UGC-SAP), 2015. — P. 1—10.

Ethnic Entrepreneurship Adaptation Models: to the Amshen Armenians of the Great Sochi Agglomeration Ethnic History¹

© **Sadovoy Alexander Nikolaevich (2018)**, Doctor of Historical Sciences, professor, Head of Laboratory of Ethnosocial Problems, Sochi Scientific Research Center of the RAS (Sochi, Russia), sadovoy@gmail.com.

Amshen Armenians of the Black sea coast of the Caucasus ethnic entrepreneurship models are the object of study. The relevance of the development is determined

¹ The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for basic research 17-01-00407-OGN. Project «South of Russia: ethnic entrepreneurs “at home” and beyond (experience of socio-economic adaptation)».

by the need to study: a) the ethnic structure of the population of the South of Russia the formation of history and genesis; b) the system of interethnic communication at certain stages of historical development. The analysis of the phenomenon of ethnic entrepreneurship and its local manifestations is carried out on the basis of historiographical sources and field research materials. The author focuses on the problems of allocation of adaptive models of entrepreneurship, the Genesis of this phenomenon and the nature of its impact on the system of intra — and inter-ethnic communications. The problem of interrelation between entrepreneurial activity and preservation of traditional economic specialization and ethnic self-identification is touched upon. The intermediate results of the research reflect both universal and unique (ethnic, group) adaptive forms of ethnic entrepreneurship manifestations and its importance for the preservation of historical and cultural heritage.

Key words: ethnic entrepreneurship; Armenians; adaptation; integration; regional market.

Material resources

AOAGS — *Arkhivnyy otdel administratsii goroda Sochi*. (In Russ.).

Belozeroва, M. V., Sadovoy, A. N. (2016). *Razrabotka metodov ekspertnoy otsenki i prognoza kachestva zhizni naseleniya: otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote*. Sochi: SNITs. (In Russ.).

EMA — *Ekspeditsionnyye materialy avtora (basseyn rr. Sochi, Mzymta; Armeniya)*. (In Russ.).

References

Belozeroва, M. V. (2015). K probleme rossiysko-cherkesskogo vzaimodeystviya i formirovaniya etnicheskoy identichnosti: XIX — nachala XXI veka. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 32: 26—33. (In Russ.).

Belozeroва, M. V. (2016). Nekotoryye aspekty khozyaystvennoy adaptatsii pereselentsev v Chernomorskom okruge (XIX — pervaya tret' XX stoletiya). In: *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Tyumen': Izdatelstvo TyumGU. 189—192. (In Russ.).

Kurinskikh, P. A. (2015). K voprosu o folklorizme v prezentatsiyakh istoriko-kulturnogo naslediya na XXII Zimnikh Olimpiyskikh i Paralimpiyskikh Igrakh 2014 g. v Sochi. In: *Radlovskiy sbornik. Nauchnyye issledovaniya i muzeynyye proekty MAE RAN v 2014 godu*. Sankt-Peterburg: MAE RAN. 273—280. (In Russ.).

Light, I., Karageorgis, S. (1994). The Ethnic Economy. In: N. Smelser, R. Swedberg (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press. 646—671.

Perepis'. *Informatsionno-poiskovyy portal po Armaviru i Krasnodarskomu krayu*. Available at: <http://kray-ray.ru/city/sochi-informatsiya-o-gorode-i-istoriya>. (In Russ.).

Poddubikov, V. V., Sadovoy, A. N., Belozeroва, M. V. (2014). *Ekspertiza i monitoring traditsionnykh form prirodopolzovaniya korennykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoy etnologii*. Kemerovo: Praktika. (In Russ.).

- Polovinkina, T. V. (2006). *Sochinskoye Prichernomor'ye*. Nalchik: Izd. tsentr Elfa. (In Russ.).
- Radayev, V. (1993). Etnicheskoye predprinimatel'stvo: mirovoy opyt i Rossiya. *Polis*, 5: 79—87. (In Russ.).
- Ryzhova, N. P. (2008). Fenomen etnicheskogo predprinimatel'stva: zapadnaya traditsiya i rossiyskoye prochteniyе. *Novye rossiyskiye gumanitarnyye issledovaniya*. 5.08.2008. Available at: <http://nrgumis.ru/articles/123/>. (In Russ.).
- Sadovoy, A. N. (2012). Chernomorskoye poberezh'ye Kavkaza. Etnicheskoye predprinimatel'stvo v sisteme mezhkulturnykh kommunikatsiy. In: *Homo communications II: chelovek v prostranstve mezhkulturnoy kommunikatsii*. Shetsin (Polsha). 239—244. (In Russ.).
- Sadovoy, A. N. (2014). Etnicheskoye predprinimatel'stvo kak obyekt issledovaniya: mekhanizm adaptatsii i demograficheskiye aspekty. In: *Istoricheskaya etnografiya: sbornik nauchnykh statey*. Sankt Peterburg: SPbGU. 5: 29—34. (In Russ.).
- Sadovoy, A. (2015). Ethnic Entrepreneurship in the interaction of environmental organizations, national associations and regional authorities. Russian experience in the Caucasus and Altai-Sayan ecoregions. In: *Proceeding International Seminar "Development, Resources and Livelihood*. Hyderabad (India): University of Hyderabad (UGC-SAP). 1—10.
- Sadovoy, A. N. (2015). Traditsionnaya khozyaystvennaya spetsializatsiya i etnicheskoye predprinimatel'stvo kak obyekt polevykh issledovaniy. In: *Teoriya i praktika issledovaniya etnokulturnykh kompleksov*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU. (In Russ.).
- Sadovoy, A. N., Belozerova, M. V. (2017). Etnicheskoye predprinimatel'stvo v predmetnoy oblasti etnologicheskikh ekspertiz. *Politematicheskyy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 134: 743—752. (In Russ.).
- Sadovoy, A. N. (2017). Normy obychnogo prava v predmetnom pole etnologicheskikh ekspertiz. *Nauchnyy dialog*, 11: 410—424. (In Russ.).
- Vereshchagin, V. I. (1874). *Putevyye zametki po Chernomorskomu okrugu. (S prilozheniyem 2 fasadov, plana i razreza Sochinskoy tserkvi i karty Chernomorskogo okruga)*. Moskva: Izdaniye N. N. Mamontova. (In Russ.).
- Voroshilov, V. I. (2007). *Toponimy Rossiyskogo Chernomor'ya (istoriya i etnografiya v geograficheskikh nazvaniyakh)*. Maykop: Poligrafizdat Adygeya. (In Russ.).
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 g.* 1 (4). Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (In Russ.).